

VI РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 244

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «БОГОИЗБРАННОГО» ГОСУДАРСТВА В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

В.В. Пенской

Белгородский государственный университет, 308008, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

В статье рассмотрена проблема складывания в раннехристианской литературе концепции «богоизбранного» государства. На основе анализа текстов раннехристианских писателей показана постепенная эволюция взглядов христианских мыслителей и писателей на Римскую империю и отношение к ней христианской церкви. Отмечено, что уже на первых этапах формирования христианского вероучения в нем проявляется две тенденции. С одной стороны, в Новом завете прослеживается неприятие Империи как враждебной первым христианам силы. С другой стороны, уже первые апостолы указывали на то, что если Империя существует, то это угодно Богу, т.к. ничто в этом мире не происходит помимо его воли. Следующим шагом стало признание христианами писателями некоей трансцендентальной связи между Империей, Божественным промыслом, зарождением и распространением христианства. По мысли христианских писателей, Господь посредством Римской империи решил объединить всю Ойкумену для того, что бы свет истинной веры достиг самых укромных ее мест. Когда же благодаря императору Константину Церковь и Империя слились в единый организм, образовалось долгожданное богоизбранное государство, Империя христианская и для христиан.

Ключевые слова: христианство, универсальное государство, Римская империя, христианское вероучение и литература.

На протяжении большей части Средневековья в европейском политическом сознании одной из основополагающих идей была идея Империи как универсального государства, Града земного, выступавшего как отражение Града Небесного. Значимость Империи была тем больше, что, как отмечал английский историк А. Тойнби, «...универсальное государство устанавливается основоположниками и воспринимается поданными как панацея от бед смутного времени. Изначальное предназначение этого учреждения – установить и затем поддерживать всеобщее согласие» [1, 503]. История этой идеи уходит в далекое прошлое, еще в те времена, когда на Ближнем Востоке, в Средиземноморье, Месопотамии, Египте и Китае формировались первые государства, которые вели упорную борьбу за доминирование в своей ойкумене. В конечном итоге наибольшего успеха в этой борьбе добились два государства, две великих Империи древности – «Поднебесная» Китайская, образовавшая на Дальнем Востоке Рах Sinica, и Римская, которая на другом конце света, в бассейне Средиземного моря, на большей части западной и Центральной Европы и на западе Азии создала Рах Romana.

Воздействие этих Империй на последующую историю человечества трудно недооценить. Так или иначе, большая часть обществ, сформировавшихся и развивавшихся на Дальнем Востоке, испытали определенное воздействие китайской цивилизации. То же самое можно сказать и о Западе. Римское наследие, политическое, культурное и иное, легло в основу современной западной цивилизации, а при посредничестве Византии повлияло на становление и развитие славянского мира. И в том, и в другом случае одной

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 06-01-02056а.

из основополагающих идей, передаваемых от одной цивилизации к другой, от одной культуры к другой, была концепция Империи, универсального государства, призванного подчинить своей благотворной власти весь мир (подлунный или освещаемый лучами Солнца) и установить здесь идеальный порядок, главные положения которого были продиктованы создателям Империи свыше. Таким образом, Империя выступала в качестве не просто государства, каких было, есть и каких еще будет немало, но как единственно законное, легитимное, освященное свыше идеальное, богоизбранное государство.

Традиционно считается, что эпоха Древности закончилась в 476 г., когда пала Западная Римская империя. С этого времени на протяжении более чем 1000 лет длилась эпоха Средневековья, и большую часть этого периода на Западе, в христианском мире Империя продолжала существовать, и не только в мире идей, но и в реальном, земном мире. Ее пытались воплотить в реальности на востоке христианской ойкумены Византийская империя, а на западе – империя Карла Великого и наследовавшая ей Германская империя. Обе этих империи все время своего существования вели непрерывную борьбу за доминирование в христианском мире, полагая себя, но никак не оппонента, единственной законной, легитимной Империей.

Свои претензии на законность обе империи обосновывали по-разному. Германские императоры делали упор на концепцию «восстановления», «*renovatio*» Римской империи, указывая на тот факт, что центр их государства находился не где-нибудь, а в самом Риме – 1-й и истинной столице Империи. К тому же и власть германского императора получала высшую санкцию из рук римского епископа – преемника самого апостола Петра. Византийцы связывали свои претензии на первородство с идеей «переноса», «*translatio*» Империи из Рима I в Рим II. Отсчет своей истории они начинали от «золотого века» императора Константина Великого – первого христианского императора и основателя Константинополя, II Рима. На стороне византийцев были и постановления первых Вселенских соборов, равно признававшихся как на Востоке, так и на Западе. Но и это еще не все. Как справедливо замечал С.С. Аверинцев, византийцы были искренне убеждены в том, что их государство, «...по критериям собственного самосознания, внутри этого самосознания достаточно логичным, связным и убедительным, не то что первое в мире, а единственное в мире... Критериев всего три: во-первых, это правильно – православно – исповедуемая христианская вера; во-вторых, это высокоцивилизованный стиль государственной и дипломатической практики, дополняемый литературной и философской культурой античного типа; в-третьих, это законное преемство по отношению к христианскому имперскому Риму Константина Великого». Эти три критерия, продолжал он, полностью отменяли все претензии не то что на первенство, но даже на равенство с Византией всех прочих государств, также претендовавших на имперский статус – будь то арабский Халифат или государство Карла Великого» [2, 321].

Таким образом, и франки во времена Карла Великого, первого западного императора после 476 г., и немцы, и византийцы равно ссылались на авторитет Рима и Римской империи. Для всех для них она выступала в качестве точки начала отсчета собственной истории. И это было не случайно. В их представлении Рим был идеальным государством, моделью, в которой не было изъяна, и которой следовало подражать. Однако, это относилось, если можно так выразиться, не ко всему Риму, а только к Риму эпохи Константина Великого, когда произошло слияние Империи и Церкви, когда христианство перестало быть гонимым и превратилось в официальную религию Империи. Универсальное государство соединилось со столь же универсальной Церковью, образовав идеальное государство, тот самый Град земной, богоизбранное царство, призванное принести миру истинный божественный порядок и свет истинной веры. Именно эту Империю и пытались с разной степенью успеха воплотить в своих деяниях германские императоры и византийские василевсы.

Сама по себе концепция божественного государства зародилась еще в эллинистическую эпоху, когда после распада империи Александра Македонского сложилась система эллинистических монархий и свойственная им политическая концепция с ее идеями царя как «божественного мужа» (θεῖος ἀνὴρ) и «божественного царства» (θεῖα βασιλεία). Эта концепция предусматривала, что между правителем и богами существует прямая и непосредственная связь. К примеру, в античной Греции эта связь основывалась на представлениях о происхождении царей от одного из олимпийских богов. Тот же Александр Македонский считал себя сыном самого Зевса, а божественность эпирского царя Пирра прямо следует из Плутархова описания его сверхъестественных способностей [Plut. Pirr. 1, 3. См. также: 3]. Поэтому и его земная власть есть ничто иное, как отражение власти богов. Следовательно, государство, управляемое живым богом, также является божественным, поскольку основывается на началах, продиктованных свыше, и власть монарха также имеет сакральный, божественный характер. Эта теория получила свое дальнейшее развитие в римской политической теории эпохи принципата и в особенности домината, когда в ходе реформ, призванных обеспечить выход государства и общества из кризиса III в., император Диоклетиан изменил статус императора и его власти вообще. «...Он первый стал надевать одежды, – писал римский историк Секст Аврелий Виктор, – сотканые из золота, и пожелал даже для своих ног употреблять шелк, пурпур и драгоценные камни...Он первый из всех, если не считать Калигулы и Домициана, позволил открыто **называть себя господином, поклоняться себе и обращаться к себе как к богу** (выделено нами – П.В.)...» [Aug. Vict. De Caes. XXXIX. 2, 4]. На это же указывал и другой римский историк, Евтропий, который отметил, что именно «Диоклетиан... первым в Риме ввел царские обычаи вместо прежней римской свободы. Приказал ему кланяться, в то время как раньше его просто приветствовали, носил одежду и обувь, украшенную драгоценными камнями...» [Eutr. IX. 26].

Однако эта идея была чисто языческой по происхождению и не могла быть, казалось бы, воспринята христианами. Для христиан Господь был один, и ни один император, каким бы великим он не был, не мог быть Богом ни при жизни, ни после смерти. «Потомки рождаются для того, чтобы в свою очередь произвести потомков. Происходят свадьбы, зачатия, дни рождений. Известны отечества, резиденции, царства, монументы. Итак, те, которые не могут отрицать рождения богов, должны признать их людьми, не должны считать их богами...» – писал по этому поводу Тертуллиан [Tertull. Ad. nat. II. 12].

Таким же, естественно, должно было быть и отношение христиан к Римской империи как к чисто земному явлению, не обладающим божественным характером. Более того, первые христиане полагали ее «...великою блудницею, сидящею на водах многих,... и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным... великий город, царствующий над земными царями...» [Откр 17, 1, 5, 18]. Такое отношение было легко объяснимо. Именно римскими властями был распят Христос, именно римские власти неоднократно устраивали гонения на христиан, препятствуя всеми силами распространению того учения, которое христиане считали Истиной.

Однако вместе с тем с выходом христианства за пределы Иудеи и ростом числа его сторонников среди греков и римлян, в том числе и образованных, не могла не возникнуть и иная идея. Как отмечал отечественный историк В.М. Тюленев, «...одним из наиболее актуальных для христианской мысли был вопрос о роли Римской империи в судьбе христианской Церкви и христианского учения» [4, 114]. В этом нет ничего удивительного. В начале I в. н.э. Римская империя контролировала огромные территории в Европе, Азии и Африке, а Средиземное море превратилось в римское озеро. Для миллионов людей римский мир был единственно возможным миром, альтернативы которому не было. Естественно, что позднеантичные интеллектуалы, в том числе и христиане, не могли не задумываться о судьбе Империи и ее месте в мировой истории.

Конечно, христианские писатели эпохи поздней античности не могли одобрять предпринятые по приказу императоров-язычников гонения на христианство. Однако, при всем при том, они исходили из того, что было объявлено самим Христом и подтверждено его учениками-апостолами – «... Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу...» и «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» [Мф 22, 21; Рим 13, 1-2]. Следовательно, как писал Тертуллиан, обращаясь к язычникам, «...император больше наш, чем ваш, так как он поставлен нашим Богом» [Tertull. Apol. 33], а вместе с императором христиане должны были молиться и за Империю, даже если она преследовала их. Примечательно, что, исходя из контекста послания апостола Павла римлянам, получается, что в репрессиях против христиан во многом виноваты сами христиане: «Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое...» [Рим 13, 3-4].

Однако не только это побуждало христианских мыслителей изменить свое отношение к Империи. Ведь именно на ее территории в начале I в. появился Спаситель, возвещена Благая весть и началась проповедь Нового завета. Под покровительством Империи, под защитой ее легионов эта проповедь могла свободно достигать самого края ойкумены, обитаемого мира, Pax Romana, который и был для миллионов людей единственным обитаемым миром [Лк. 2, 1; Мк 1, 7-8]. К тому же, слова апостола Павла из 2-го его послания к фессалоникийцам, гласящие, что пришествие Антихриста, сына погибели, не свершится в скором будущем, так как «...день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха... И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь...», можно было истолковать и в пользу Империи как силы, сдерживающей наступление Антихриста [2 Фес 2, 3, 6-7].

Учитывая все это, в среде христианских интеллектуалов не могло не возникнуть иное мнение по отношению к Риму. Уже во 2-й половине II века, как отмечал В.М. Тюленев, «...в христианской литературе появляется суждение о том, что история Империи и христианской Церкви провиденциально связаны между собой...» [4, 116]. Епископ Мелитон Сардийский, один из авторов этой концепции, связывал успехи Римской империи в борьбе с варварами именно с рождением на ее территории христианства: «Наша философия окрепла и утвердилась сначала у варваров; расцвет же ее у твоего народа приходится на великое царствование Августа, твоего предка. Она принесла счастье твоей империи: с тех пор росли и мощь, и слава Рима... А вот неоспоримое доказательство, что на благо счастливо начавшейся империи росло и крепло наше учение: начиная с царствования Августа на Рим не надвигалось никакой беды, наоборот, по молитвам всех все было прекрасно и славно» [Euseb. Hist. eccl. IV. 26. 7-8].

Эта идея получила дальнейшее развитие в трудах одного из крупнейших христианских писателей и мыслителей Тертуллиана. Он одним из первых высказывает идею о неслучайности обретения Римом власти над большей частью тогдашней Вселенной, понимая под нею Средиземноморье и прилегающие к ней регионы. «...Судьба времен владеет царствами. Ищите, кто установил смены времен. Он же управляет царствами, – писал философ, – и теперь сосредоточил в руках римлян власть, отнятую у многих народов... Что от Него зависит она, это знают те, которые к Нему ближе всех (выделено нами – П.В.)...» [Tertull. Ad. nat. II. 17]. Т.е., согласно Тертуллиану, получается, что Господь вручил Риму власть над окрестными народами, и, надо полагать, неспроста, имея в отношении римлян определенные намерения. Об этом же писал и Августин Блаженный [Aug. De civ. Dei. IV. XXVIII; V. I; XIII. XXI.].

Какие, видно из других творений мыслителя. Спустя полсотни лет после Мелитона Сардийского, защищая христиан от нападков язычников, Тертуллиан выдвинул тезис о благотворном влиянии Империи на существующий мир и, следовательно, на христианство. Римское государство в его творениях выступает хранителем существующего мира и порядка. Именно Рим, писал Тертуллиан в своей «Апологии», стоит на пути надвигающегося хаоса. «Мы знаем, – указывал он, – что предстоящая всему земному шару величайшая катастрофа и самый конец мира, грозящий страшными бедствиями, замедляется римской властью». И, продолжая свою мысль дальше, Тертуллиан утверждал, что «...мы (т.е. христиане – П.В.) не хотим испытать этой катастрофы и потому, когда молимся об отсрочке этого, то этим самым содействуем продолжению римского государства...» [Tertull. Apol. 32]. Таким образом, в христианской мысли постепенно начала утверждаться идея о существующей связи между Божественным замыслом и существованием Римской империи. Именно об этом и писал Ориген в своем сочинении «Против Цельса»: «Бог предуготовил народы к Его учению и устроил так, что римский царь стал господствовать над всем миром. Ведь если бы было много царств, тогда и народы оставались бы чужими друг другу; тогда и исполнение приказания Иисуса: идите и научите все народы, – приказание, которое дано было Апостолам, было бы соединено со значительными затруднениями. Известно, что рождение Иисуса последовало в правление Августа, который слил – если можно так выразиться – многочисленные народы земли в одно царство. И это было важно потому, что существование многочисленных царств, конечно, послужило бы препятствием в деле распространения учения Иисуса по лицу всей земли не только по вышеуказанной причине, но еще и потому, что тогда народы были бы вынуждены вести войну и защищать отечество, как это действительно и было перед временами Августа и особенно в еще более отдаленные времена, когда один народ должен был вести войну с другим народом» [Orig. Contra Cels. II. 30].

Когда писались эти строки, христианство все еще оставалось нежелательной для имперских властей религией, которую они терпели, но не более того. Однако в начале IV в. н.э. положение резко изменилось. Император Константин Великий своим Миланским эдиктом узаконил христианство. Римское государство из недоброжелателя, а порой и открытого врага христианского учения превратилось в его защитника и покровителя.

Свершившийся переворот в отношениях между имперскими властями и христианами неизбежно должен был привести и привел к переоценке места Рима в христианской системе ценностей, тем более что поворот уже наметился ранее. Тот же Мелитон Сардийский, обращаясь к императору, писал: «Если это (гонения на христиан – П.В.) делается по твоему приказу — хорошо, пусть так и будет! Справедливый царь никогда не постановит решения несправедливого, и мы с радостью примем эту смерть как некую почесть...» [Euseb. Hist. eccl. IV. 26. 6]. Лактанций пошел еще дальше. В своих «Божественных установлениях» он нарисовал картину, в которой Римская империя и ее императоры изначально выступали в качестве главных проводников божественного замысла и носителей цивилизации, которая выражается, по мнению Лактанция, прежде всего в установлении справедливого, мудрого и милосердного земного порядка. Этот же порядок неизбежно должен был привести к принятию христианства как наиболее совершенной и истинной религии. Так, император Веспасиан «уничтожил имя и род иудеев, и случилось все, как те [апостолы] предрекли (выделено нами – П.В.)...», император Адриан отменил безнравственные и противные Истине кровавые человеческие жертвоприношения, которые дотолде были присущи только «бесчеловечным и диким» варварам. Наконец, император Константин, писал Лактанций, «первый из римских принцепсов, кто, отвергнув заблуждения, узнал и восславил величие единственного и истинного Бога...» и, что самое главное, «...освятил желанное правление славным начинанием, когда, **вернув** изгнанную и поруганную **справедливость**,... **очистил землю от злодеяний других** (выделено нами – П.В.)...» [Lact. Div. inst. I. 1. 13; 21, 1-3; IV. 21. 5].

Развивая свою мысль дальше, Лактанций указывал, что **«...Бог же возвысил принцепсов, которые уничтожили незаконное и кровавое господство тиранов, проявили заботу о роде человеческом, чтобы ныне, словно рассеяв мрак прискорбнейшего времени, души всех одарил радостью отрадней и светлый мир (выделено нами – П.В.)...»** [Lact. De mort. pers.I. 3].

Практически завершает создание новой концепции Империи как христианского, богоизбранного государства Евсевий Памфил, епископ Кесарийский. Развивая идеи, выдвинутые Мелитоном Сардийским, Тертуллианом, Оригеном и Лактанцием, он утверждал, что именно Римской империи было суждено Богом установить во всей Вселенной мир и порядок и принести народам, обитающим в ней, свет истинной веры. Для него отнюдь не случайным было то, что явление Христа совпало по времени с золотым веком Августа, когда закончились войны и беспорядки, и на всей земле под властью принцепса воцарился мир и спокойствие. **«Когда же всем людям преподано было познание единого Бога и показан один образ благочестия – спасительное учение Христово: когда в одном царстве, в одно и то же время находящемся под владычеством одного римского правителя, все начало наслаждаться глубоким миром, тогда вдруг, как бы по мановению единого Бога, – писал Евсевий, – произросли для людей две отрасли добра: римское царство и учение благочестия... Но две, как бы из одного источника произошедшие, великие силы мгновенно все умиротворили и привели в содружество. Эти силы были: римское царство, явившееся с тех пор монархическим, и учение Христово, и обе они расцвели вместе, в одно и то же время. Сила Спасителя нашего сокрушила многоначалие и многобожие демонов и всем людям, эллинам и варварам, даже до последних земли (Деян. 1, 8), проповедала единое царство Божье, а римская империя, уничтожив сперва причины многоначалия, спешила все племена привести к единению и согласию и взяла себе независимые дотоле епархии (выделено нами – П.В.)...»** [Euseb. De laudibus Const. 16].

И если тот же Лактанций не стал доводить до конца идею о земной миссии Римской империи и ее императора, то Евсевий сделал это в прямой и недвусмысленной форме: **«Много различных народов уже вошло в ее (империи – П.В.) пределы, но она намерена, насколько возможно, коснуться пределов самой Ойкумены, тем более, что спасительное учение, божественной силой, уравнивает и успокаивает пред ней все»** [Euseb. De laudibus Const. 16]. Коснуться же края Ойкумены Империя и благочестивые императоры должны были потому, что **«...предрасположив души высших царственных лиц, Оно (Слово – П.В.) очистило с помощью этих угодных Богу людей всю вселенную от всех злых нечестивцев и от страшных и богоненавистных тиранов»** [Euseb. Hist. eccl. X. 4, 60].

Все это отлично укладывалось в концепцию цивилизаторской роли Империи, которую последовательно излагал Евсевий. Описывая удачные войны Константина против варваров, он отмечал, что император **«... в короткое время покорил всех (готов – П.В.), именно: одних, которые возмутились, усмирил вооруженной рукой, других сделал кроткими посредством благоразумных посольств, вообще, не знавшую законов и зверскую жизнь их переменял на жизнь разумную и законную. Вследствие сего скифы начали служить римлянам... Эти новые подданные (готы и савроматы – П.В.) сами сознавались, что несчастье послужило им во благо, ибо теперь наслаждались они римской свободой, вместо варварской, дикой жизни (выделено нами – П.В.)...»**. И, конечно, по мнению писателя, Господь не мог не подчинить императору в награду за столь благочестивые деяния варварские племена [Euseb. Vita Const. IV. 5-6]. Успешная внешняя политика Империи в годы долгого царствования Константина, по мнению Евсевия, служила наглядным символом того, что Господь взял под свое покровительство и императора, и его легионы [Euseb. Vita Const. I. 8]. Ведь Константин не только сумел прекратить мятежи и гражданскую войну на территории самой Империи, но и

осуществить целую серию успешных завоевательных походов за ее пределы, приостановив натиск варваров на границы Римского государства.

При этом победы римского оружия способствовали распространению христианства среди варваров. Ведь ранее, как отмечали христианские авторы, за пределами Империи Истина распространялась через труды подвижников, попавших в плен к варварам и обращавших их примером праведной жизни. [См.: Sozom. Hist. eccl. II. 6], Теперь же, по словам отечественного историка С.А. Иванова «...победоносность Константина воспринималась как самое действенное оружие христианской пропаганды...» [5, 45]. В качестве примера подобного обращения церковный историк Сократ Схоластик приводил пример с обращением готов: «В то самое время сделали набег на Римскую землю варвары, то есть сарматы и готы, но предложения царя касательно церквей не нашли в этом никакого препятствия. Он показал приличную заботливость о том и другом деле. Веруя в трофей христианства, варваров разбил он столь сильно, что отнял у них право на получение и того золота, какое обыкновенно выдавали им прежние государи. Мало того, претерпев неожиданное поражение, они тогда в первый раз приняли спасавшую Константина христианскую веру» [Sokr. Hist. eccl. I. 18].

Помимо распространения истинной веры, Империя должна была, полагал Евсевий, вести неустанную борьбу против ересей, искажавших божественную Истину. Подчеркивая благочестивость своего героя, Константина, епископ писал, что последний подверг гонениям еретиков, ибо «...в благополучное наше время да уничтожится это обольщение развращенного вашего ума, — разумею нечестивое и гибельное разномыслие еретиков и схизматиков, ибо **благоденствие**, которым мы по милости Божьей наслаждаемся, **требует, чтобы живущие благими надеждами отвращались от всякого беспорядочного заблуждения на стезю правую**, от тьмы — к свету, от суетности — к истине, от смерти — к спасению (выделено нами – П.В.)...» [Euseb. Vita Const. III. 65].

Но и это еще не все. Повествуя о жизни и деяниях Константина, Евсевий подчеркнул, что заслугой императора как персонального олицетворения государства является не только утверждение истинной веры на территории Империи, но и покровительство христианам за ее пределами. «Узнав при том, — писал историк, — что среди персидского народа умножаются Божьи Церкви и собираются многие тысячи овец в стадо Христово, он, как общий для всех попечитель, обрадовался этому известию и свою всеобъемлющую заботливость простер даже сюда» [Euseb. Vita Const. IV. 8; III. 7]. Таким образом, в трудах кесарийского епископа во всей полноте была разработана новая концепция Империи как христианского государства, избранного Богом для реализации своего великого замысла. Его труды практически завершили длившуюся больше полутора сотен лет работу христианских писателей по примирению Царства Божия и царства земного, Церкви и Империи, христианства и Римской империи.

Окончательно идея христианской богоизбранной Империи утвердилась к концу V в., когда в годы правления императора Феодосия I христианство стало единственной официально разрешенной религией Империи. Формулируя утвердившуюся к тому времени официальную точку зрения Церкви на Империю, христианский историк начала V в. н.э. Павел Орозий писал: «...Тот самый **единый и истинный Бог**..., Бог, сменяющий царства и располагающий времена,... **основал Римскую империю**, найдя пастыря из ничтожнейшего состояния. Ее, возвышенную за долгое время через царей и консулов, **после того, как ею были покорены Азия, Африка и Европа, Бог, по определению своему, отдал в руки одного императора**, самого энергичного и в то же время самого кроткого. При этом императоре ... Бог истинный.. открыл тот знаменитый источник Своего постижения и ... послал Сына Своего, ... чтобы **среди великого покоя и продолжительнейшего мира беспрепятственно и скоро летела слава нового имени и**

стремительная молва возвещенного спасения (выделено нами – **П.В.**)...» [Oros. Hist. VI. 5-8. См. также VI. 20. 2-8; 22, 1, 3-8].

Итак, к началу V в. идея неразрывности исторической судьбы Римской империи и христианской церкви прочно утвердилась в умах большинства позднеантичных интеллектуалов. Миссия Империи, по их единодушному убеждению, состояла в том, чтобы установить и поддерживать во всей Ойкумене цивилизацию, справедливый мир и порядок, и, поскольку она являлась последним великим земным царством, противодействовать наступлению хаоса и анархии. Об этом единодушно писали, например, и Павел Орозий [Oros. Hist. II. 1, -5; VII], и Сульпиций Север, отмечавший, что «...с этого времени (установления власти Константина и начала его покровительства христианам – **П.В.**) мы наслаждаемся покоем мирных дел и верим, что не будет больше гонений, кроме того, которое учинит в конце века этого Антихрист (выделено нами – **П.Т.**)...» [Sulp. Sev. Chron. II. XXXIII. 3], и Созомен, согласно которому «...в странах империи, управляемых Константином, Церкви удостаивались благоденствий внимательного и единоверного государя и, наслаждаясь миром, ежедневно распространялись (выделено нами – **П.Т.**)...» [Sozom. Hist. eccl. I. 6, 8].

Установленный Империей божественный мир и порядок являлись важнейшим условием распространения единственно истинного учения, способствовать чему должна была также завоевательная и цивилизаторская политика Империи [См., например: Euseb. Hist. eccl. X. 4. 17-20; Sozom. Hist. eccl. I. 8]. Одолев при помощи Божьей варваров [Euseb. De laudibus Const. 7; 9], императоры должны были насадить среди них совершенные законы и установить одобренный Господом порядок как условия христианизации покоренных народов и тем самым их спасения. Окончательной победе Истинного учения, по мнению христианских писателей IV в., должны были способствовать и меры императора по покровительству и защите христианской Церкви как внутри самой Империи, так и за ее пределами, которые, с **помощью Божьей** (выделено нами – **П.В.**), должны были расширяться до тех пор, пока не достигнут края обитаемого мира [Sozom. Hist. eccl. I. 8].

Таким образом, к началу V в. н.э. на смену прежней языческой Империи пришла Империя христианская и для христиан. Pax Romana слился с Pax Christiana. Естественно, что, как отмечал отечественный историк Г.Л. Курбатов, «...соответственно трансформировались и оказались дополненными новым содержанием и старые традиции римского ойкуменизма. Превращая Римская империя из «священной державы» стала «священной христианской империей»: Imperia Romana превратилась в Imperium Romanum Christianum – христианскую империю, богохранимую и защищаемую, исполнительницу божественных предначертаний и орудие спасения человечества, имитацию небесного царства...» [6, 45]. Тот день и час, когда Римская Империя как идеальное, универсальное, вселенское государство, царство мира сего, встретилось с Церковью, частью Царства неземного, означал наступление времени царства истинной, космической гармонии, кульминацией Истории, созданием совершенного общества под властью мудрого императора-философа и христианина. Границы римского лимеса точно совпали с границами не просто цивилизованного, но и христианского мира, внутри которого царил покой и благоденствие. Всякий, кто принимал христианство, мог стать гражданином этого Царства, в котором слились воедино две сферы – духовная, идеальная, и физическая, материальная. Время остановилось, и теперь задача состояла в том, чтобы сохранить достигнутый идеал до самого момента Второго пришествия как конца земной Истории. Создание концепции христианской богоизбранной Империи было практически завершено, и освященная авторитетом Церкви, она начала свое путешествие через века, страны и народы. Отечественный византист Г.Г. Литаврин писал по этому поводу, что «...теория власти в империи как законченная доктрина сложилась в V – VI вв. и в мало измененном виде жила тысячелетие...» [7, 65]. Византийцы, осознавая себя прежде всего не греками,

не жителями Восточной Римской империи, а именно «ромеями» – римлянами, и стали главными носителями и защитниками этой доктрины.

Список литературы

1. Тойнби А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
2. Аверинцев С.С. Другой Рим. – СПб.: Амфора, 2005. – 366 с.
3. Казаров С.С. Царь Пирр: опыт сакрализации власти // Античное общество – IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5-7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001 // Режим доступа: <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/kazarov.htm>
4. Тюленев В.М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.
5. Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.
6. Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 272 с.
7. Литаврин Г.Г. Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии (вторая половина VII-XII в.). – М.: Наука, 1989. – 678 с.

THE FORMATION OF CONCEPTION OF « GOD'S SELECTED» STATE IN THE EARLY CHRISTIAN LITERATURE

V.V. Penskoj

Belgorod State University, Preobrajenskaya st., 78, Belgorod, 308008, Russia;

e-mail: penskoj@bsu.edu.ru

This article is considered the problem of folding in the early Christian literature of the concept the «God's selected» state. On the basis of the analysis of texts the early Christian writers gradual evolution of sights of Christian thinkers and writers to Roman empire and the Christian church's attitude to it. It is noted, that already at the first stages of formation of Christian dogma is shown two tendencies in it. On the one hand, in the New testament is traced the aversion of Empire as force hostile to the first Christians. On the other hand, already the first apostles specified that if the Empire exists it is necessary for the God since anything in this world does not occur besides its will. Following step became a recognition Christian writers transcendental communications between Empire, the Divine craft, origin and distribution of christianity. By Christian writers, the Lord has decided to unite all the Universe by means of Roman empire that light of true dogma has reached its most secluded places. When owing to emperor Konstantin Church and Empire have merged in a uniform organism, was formed long-awaited «God's selected» state, Empire Christian and for Christians.

Keywords: christianity, the universal state, Roman empire, Christian dogma and the literature.

